

Догузова Оксана Руслановна
старший преподаватель
кафедры конституционного права
юридического факультета,
Горский государственный
аграрный университет
doguzova85@inbox.ru

Oksana R. Doguzova
Senior Lecturer
of the Department of Constitutional Law,
Faculty of Law,
Mountain State Agrarian University
doguzova85@inbox.ru

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

THE PLACE OF MAKING A FALSE REPORT ABOUT AN ACT OF TERRORISM AND ITS CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE

Аннотация. Автором рассматриваются проблемы законодательного определения объектов социальной инфраструктуры, в содержании объективных признаков состава преступления заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Устанавливается их связь с факультативными признаками объективной стороны (место, время, способ, обстановка совершения преступления). Обосновывается необходимость изменения законодательной конструкции ч. 2 ст. 207 УК РФ.

Annotation. The article deals with the problems of legislative definition of social infrastructure objects, in the content of objective signs of the crime of knowingly false reports of an act of terrorism. Their connection with optional features of the objective party (the place, time, the way, the situation of Commission of crime) is established. The necessity of changing the legislative structure of part 2 of article 207 of the criminal code is substantiated.

Ключевые слова: террористический акт, заведомо ложное сообщение, уголовное законодательство, объекты социальной инфраструктуры, место совершения преступления.

Keywords: terrorist act, knowingly false report, criminal legislation, social infrastructure, crime scene.

Участившиеся факты заведомо ложных сообщений об актах терроризма, наглядно демонстрируют изменение направленности этого преступления, которое из деяния представляющего разновидность хулиганства, приобрело форму террористической активности, способную реализовать политическую или экстремистскую мотивацию и обеспечить достижение целей, присущих террористическому акту, реализуемому в форме угрозы совершения взрыва, поджога или иных опасных деяний дестабилизирующих деятельность органов власти и объектов социальной инфраструктуры. Мы полагаем, что данное обстоятельство побудило законодательную власть к пересмотру качественных и количественных признаков определяющих степень и характер общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 1 ст. 207 УК РФ). А также, признать квалифицированным видом преступления предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, деяния совершенные в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшие причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ).

Предпринятая законодателем дифференциация уголовной ответственности лиц, за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, привела к установлению в ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) в качестве самостоятельного состава, установившего ответственность за заведомо ложное сообщение о

Данные положения демонстрируют стремление законодателя дифференцировать уголовную ответственность за совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма с учетом мотива и цели совершаемого преступления. В контексте рассматриваемого вопроса, представляется важным уяснение особенностей квалифицирующего признака, закрепленного в ч.2 ст. 207 УК РФ, повышающего степень опасности рассматриваемого преступления по причине нарушения деятельности объектов социальной инфраструктуры и причинения крупного ущерба.

Обращаясь к анализу законодательной техники, используемой законодателем при конструирова-

нии состава преступления предусмотренного ст. 207 УК РФ и формулировании его признаков, в частности, квалифицирующих, представляется возможным сделать вывод о формально-материальном характере ч. 2 ст. 207 УК РФ, где формальным является посягательство на объекты социальной инфраструктуры, а материальным – причинение крупного ущерба.

В этой связи мы считаем необходимым провести юридический анализ признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ в целях уяснения правовой природы и законодательной точности использования данных признаков в конструкции анализируемой нормы.

Если с крупным ущербом более-менее понятно, его размер определен примечанием к ст. 207 УК РФ, согласно которому превышает один миллион рублей, а его качественная особенность характеризует общественно опасное последствие, то уголовно-правовая характеристика объектов социальной инфраструктуры, как признака состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, требует самостоятельного анализа.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 207 УК РФ, к объектам социальной инфраструктуры законодатель относят организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, различные предприятия и организации, обеспечивающие отдых и досуг населения, осуществляющие пассажирские перевозки, относящиеся к спортивно-оздоровительному комплексу, учреждения оказывающие услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Мы полагаем, что определение объектов социальной инфраструктуры, закрепляющее их расширительное понимание, весьма вероятно, может способствовать возникновению проблем в уяснении объема данного понятия и может служить предметом самостоятельного научного анализа.

В рассматриваемом аспекте, нас интересует уголовно-правовой характер объекта социальной инфраструктуры, как признака объективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Степень общественной опасности анализируемого преступления, существенно возрастает по причине объективной угрозы дестабилизации деятельности объектов социальной инфраструктуры, состоящей в нарушении общественной безопасности и спокойствия граждан, их эвакуации, проведении оперативно-поисковых и иных мероприятий. Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, нам представляется возможным предположить, что общим для объектов социальной инфраструктуры, является то, что все они представляют собой общественные места, т.е. предназначены для одновременного пребывания неопределенного либо относительно определенного круга людей.

В свою очередь, признаки, закрепленные в ч. 2 ст. 207 УК РФ являются квалифицирующими и дополняют основной состав ч. 1 ст. 207 УК РФ, предусматривающий ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное из хулиганских побуждений. Понимая заведомо ложное сообщение об акте терроризма как разновидность хулиганства, логичным было бы предположить, что данное преступление может быть совершено в отношении неопределенного круга лиц. К тому же, следуя позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной Постановлением «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [1], для преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, характерно явное неуважение к обществу, выражающееся в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Обобщив изложенные суждения, мы полагаем возможным воспринять в качестве научной гипотезы предположение о признании объектов социальной инфраструктуры общественным местом, которое для целей ч. 2 ст. 207 УК РФ, является местом совершения преступления.

В свою очередь, установление правильности и достоверности сформулированного предположения требует обращения к доктринальным источникам, посвященным исследованию места совершения преступления как факультативного признака объективной стороны состава преступления.

Уголовно-правовая доктрина представлена различными точками зрения относительно определения места совершения преступления.

Согласно большинству из проанализированных авторских позиций, место совершения преступления принято рассматривать в широком смысле как часть физического пространства, т.е. территорию, на которой распространяется юрисдикция государства [2], а также в узком – определяющем пространственную характеристику преступления, прямо предусмотренную или опосредованно определенную в диспозициях норм Особенной части УК РФ [3].

К.Л. Акоев давал следующее определение: «Место совершения преступления – часть физического пространства, территория, описываемая в диспозиции уголовно-правовой нормы посредством указания на наиболее важные (для характеристики общественной опасности и видового отличия преступлений) признаки, на которой выполнено преступное действие (бездействие) или наступил преступный результат либо преступление было завершено и пресечено» [4].

Согласно позиции автора, место совершения преступления может иметь различное значение для формальных и материальных составов преступлений.

Так, в формальных составах это будет место совершения общественно опасного деяния независимо от того, где наступят общественно опасные последствия, в то время как в материальных – местом совершения преступления следует признавать территорию, на которой наступили общественно опасные последствия.

В этой связи, в контексте рассматриваемого вопроса, с учетом формально-материальной конструкции, анализируемого состава, объекты социальной инфраструктуры следует рассматривать, как общественные места, в которых нарушается общественная безопасность по причине проводимых мероприятий, направленных на установление действительного характера сообщения об акте терроризма. В то время, как место совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма и его уголовно-правовое значение может иметь тройное значение:

- 1) место, из которого заведомо ложное сообщение было направлено;
- 2) место, в которое заведомо ложное сообщение было доставлено и соответствующим образом воспринято;
- 3) место, определенное заведомо ложным сообщением, в качестве конкретной территории.

Согласно позиции, высказанной М.А. Кауфманом, – преступление следует признавать совершенным там и тогда, где и когда совершено общественно опасное деяние, вне зависимости от наступления вредных последствий [5]. Мы полагаем, что мнение автора применимо исключительно к формальным составам преступлений, объективная сторона которых содержит прямое определение качественных признаков конкретной территории.

Принимая во внимание разнообразные способы совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма, используемые в последнее время, для совершения данного преступления вопрос о признании местом преступления территории, с которой информация была направлена, может иметь важное значение для реализации норм уголовного закона.

Использование преступниками Интернет-ресурсов, дающих возможность совершать телефонные звонки по всему миру с предоставляемых ими же временных абонентских номеров, серьезно осложняют установление преступников, поскольку серверы, на которых размещены эти ресурсы, располагаются за границей. Данное обстоятельство, усложняя возможность своевременного проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (т.к. их осуществление возможно только совместно с правоохранительными органами иностранных государств или Интерполом), одновременно с этим, требует решения вопроса о том, нормы какого уголовного закона должны применяться: Российской Федерации или уголовного закона иностранного государства, с территории которого направлялась заведомо ложное сообщение.

Так, в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий по фактам заведомо ложных сообщений о террористических актах во второй половине 2017 года стало известно, что анонимные звонки осуществлялись через Android – приложение «Позвонить бесплатно» с использованием телефона с IMEI-идентификатором 3579365 с IP-адресов, зарегистрированных на турецкого оператора «Turk telekomunikasyon anonim sirketi» [6].

Учитывая особенности анализируемого состава преступления, следует согласиться с тем, что само по себе место отправления заведомо ложного сообщения об акте терроризма не будет иметь значения для квалификации преступления и решения вопроса о признании преступления оконченным. Мы склонны считать, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма следует признавать оконченным не с момента направления соответствующей информации, а с момента его доставления адресату в качественном содержании, обеспечивающим надлежащее восприятие и принятие последним соответствующих мер по установлению достоверности полученного сообщения.

В свою очередь, время, в течении которого будет доставляться информация до адресата, следует признавать временем совершения преступления, и от того каким способом (почтовое отправление, телефонный звонок, электронное отправление, запись информации на телефонный автоответчик и т.д.) будет завесить длительность совершаемого деяния, что вполне вероятно, может служить основанием признания данного преступления – длящимся [7].

В этой связи, нам более важным представляется установление места, в которое доставляется заведомо ложное сообщение об акте терроризма, поскольку оно (место доставления информации) должно предполагать обязательное реагирование на полученное сообщение (правоохранительные органы), т.е. принятие комплекса мер, уполномоченными на то субъектами по установлению её действительного содержания и обнаружению источника заявленной угрозы. Именно с момента получения правоохранительными органами информации о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ, следует считать оконченным.

В свою очередь, дезорганизация деятельности объектов социальной инфраструктуры должна выступать в качестве признака характеризующего общественно опасного последствия, а не являться качественной особенностью общественно-опасного деяния.

Полученный вывод позволяет говорить о необходимости изменения ч. 2 ст. 207 УК РФ, которую, по нашему мнению, необходимо изложить следующим образом: «Деяние, предусмотренное

частью первой настоящей статьи, повлекшее нарушение деятельности объектов социальной инфраструктуры либо причинение крупного ущерба». Мы полагаем, что материальный характер квалифицированного вида заведомо

Литература:

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Российская газета от 21 ноября 2007 г. № 260
2. *Поддубный А.А.* Место совершения преступления при квалификации преступления. Определение // Российский следователь. 2001. № 3. С. 18.
3. *Акоев К.* Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение / К. Акоев, А. Наумов // Советская юстиция. М. : Юрид. лит., 1988. № 7. С. 11–14
4. *Акоев К.Л.* Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение : учебное пособие. Ставрополь : Сервисшкола, 2000. С. 26.
5. *Кауфман М.А.* Время совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7.
6. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации» подготовленного Думой Ставропольского края URL : <http://www.dumask.ru/component/k2/item/18494.html> (дата обращения 11.10.2017).
7. Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (в ред. постановления Пленума № 1 от 14 марта 1963 г.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М. : Спарк, 1995. 599 с.

ложного сообщения об акте терроризма (ч. 2 ст. 207 УК РФ) может образовывать прямую зависимость между нарушением деятельности объекта социальной инфраструктуры, по причине чего может быть причинен крупный ущерб.

Literature:

1. About judicial practice on criminal cases of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007 № 45 // Rossiyskaya Gazeta of November 21. 2007 № 260
2. *Poddubny A.A.* Scene of the crime when qualifying crimes. Definition // Russian investigator. 2001. № 3. P. 18.
3. *Akaev K.* The scene of the crime and the criminal law / Akaev K., Naumov A. // the Soviet justice. M. : Yurid. lit., 1988. № 7. P. 11–14
4. *Akoev K.L.* Place of the crime and its criminal-legal significance : textbook. Stavropol : Service School, 2000. P. 26.
5. *Kaufman M.A.* The Time of the crime and its criminal-legal significance. Abstract : dis ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 1992. P. 7.
6. Explanatory note to the draft Federal law «On amendments to article 207 of the Criminal code of the Russian Federation» prepared by the Duma of the Stavropol territory. URL : <http://www.dumask.ru/component/k2/item/18494.html> (date of application 11.10.2017).
7. About conditions of application of prescription and Amnesty to the lasting and continued crimes: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 4, 1929 (in an edition of the resolution of Plenum № 1 of March 14, 1963) // Collection of resolutions of Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR (Russian Federation) on criminal cases. M. : Spark, 1995. 599 c.